

ИМЕННИК “ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА” В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Отец Павел Флоренский в своем цикле работ об “имеславии” исходил из нетривиальной теософской идеи: “По имени жите, а не имя по житию”. Эта идея, в ее “бытовом” преломлении, звучала так: “Имя наше, — о дело, ненавистнейшее современному сознанию, — таинственно предопределяет наши дурные и наши хорошие возможности, и наша свобода эмпирическая — реализовать первые или последние *ad libitum*. Я слушал от людей опытных, наблюдал, читал, да и теоретически убежден, что каждый из нас может быть лишь тем имяреком, какое ему дано при его вхождении в религиозное общество. Более того имя-то дается известное потому, что таков человек, хотя уже вопрос слишком таинственный”¹. При этом определенный жизненный тип человека, его “облик и лик”, — “закрепляется речью через имя”²: “...имя не есть звук, а есть *слово*, *λῶος*, т.е. слово = разум. звук = смысл, то и другое в их слиянности”³.

Эта общая установка “имеславия” по-разному конкретизировалась в известных философских работах, посвященных этой тематике (“По звездам” В.Иванова, “Философия имени” С.Булгакова, “Имена” П.Флоренского, “Философия имени” А.Лосева и др.), — но показательно, что для подобной конкретизации философы особенно охотно обращались именно к пушкинскому “именнику”.

— Возможности “называния” литературного героя чрезвычайно многообразны, но тяготеют к двум полюсам. На одном — вполне “нейтральное” имя, отчество и фамилия (Петр Петрович Гринев); на другом — “говорящее имя”, заменяющее собою все эти три элемента (Стародум, Честон, Злорад и т.п.). Между этими полюсами — множество “переходных” вариантов литературных именников, которые активно апробировались как раз в пушкинскую эпоху.

Так, к началу 1820-х гг. активно существовали три устойчивых (в зависимости от жанра) конструкции литературного имени:

— форма имени в “высокой комедии”: “значащая” фамилия соседствует с “полнозвучным” именем и отчеством (Павел Афанасьевич Фамусов, Сергей Сергеевич Скалозуб и т.п. — в словесном составе “Горя от ума” имена и отчества составляют около 2%⁴ и значительная часть комедийной “игры” основана на соотношении “говорящего” и “обыденного”);

— условный и обобщенный именной романтической поэмы (Пленник, Черкешенка или, в лучшем случае, не “говорящие” имена, “знаки” национально-психологических типов — Гирей, Зарема, Мария);

— попытка создания собственно “литературного” имени, явившаяся в “легкой” комедии и — чуть позже — в светской повести: здесь значительная часть фамилий, не являясь “говорящими”, не имела в то же время и прямого соответствия реальным фамилиям (князь Холмский, графиня Лелева, Пронский, Лионский, Аглаева и т.д.).

Показательно, что Пушкин, при начале работы над “Онегиным”, отталкивается именно от третьей конструкции.

В 1840 году В.Белинский, разбирая роман Лермонтова “Герой нашего времени” и доказывая, что лермонтовский Печорин — “это Онегин нашего времени”, не преминул “усилить” свое утверждение следующим наблюдением: “Несходство между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою. Иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, быть может, и не видимая самим поэтом...”⁵. Эта “разумная необходимость” касается именно “имени”, ибо географическое “расстояние между Онегою и Печорою” довольно велико — не менее тысячи верст! Близки лишь способы образования фамилий — от названий северорусских рек. Но этот способ образования фамилий — от гидронимов — был непродуктивен в реальном языковом процессе: реки, как известно, никому не принадлежат⁶. Сконструированная таким образом литературная фамилия — Ленский, Нильский, Волгин, Обоянский, Двинский и т.п. — будучи вполне “русскими”, в то же время оставалась условной и не нарушала грани между литературой и реальностью, не выводила на “личности”.

Между тем, фамилия “Онегин” имела реальное бытование. “Перепись 1897 г. зарегистрировала в Архангельской губернии 117 Онегиных в Холмогорском уезде и 9 — в Онежском. Большинство из них — лесорубы или работающие на сплаве леса”, — заметил В.А.Никонов. Но тут же уточнил: “Время появления фамилии неиз-

вестно; Пушкин для героя своего романа в стихах мог взять готовую модель или создать ее по законам русского языка..."⁷

На литературный источник этой фамилии указал еще в 1926 г. Л.П.Гроссман. Она несколько раз упоминается в репликах персонажей "легкой" комедии А.А.Шаховского "Не люблю — не слушай, а лгать не мешай" (1818); комедия пользовалась большим успехом на петербургском театре в те самые времена, когда Пушкин был "почетным гражданином кулис"⁸. Предположение исследователя можно развить: ситуация упоминания "Онегина" в комедии Шаховского родственна ситуации начала первой главы пушкинского романа. В комедии "Онегин" получает ложное известие о смерти родственницы:

Онегин, друг ее и родственник по муже,
Чтоб в том увериться, нарочно поспешил
За ним в догонку
Прислать ко мне об этом эстафет⁹.

Пушкинский Онегин, "прочтя печальное посланье", не стал посылать "эстафета", а сам "стремглав по почте поскакал" (VI, 27).

Точно так же не были "открытиями" Пушкина ни фамилии Ленского (так зовут героя одноактной комедии А.Грибоедова м А.Жандра "Притворная неверность", 1818), ни имена Ольги или Татьяны¹⁰. И уже современники Пушкина указывали, что "смиренному грешнику", отцу Татьяны, автор дал фамилию одного своего экстравагантного кишиневского знакомого Ильи Ивановича Ларина¹¹.

Однако при всей видимой "случайности" и "необязательности" пушкинского именника, в нем прослеживаются некоторые функциональные закономерности. Вот таблица упоминаний (по главам) имен основных персонажей романа в стихах:

Глава Имя	1	2	3	4	5	6	7	8	Отрывки из Путешествия...
Евгений	9	7	4	3	6	9	1	7	0
Онегин	14	2	7	5	9	12	6	24	5
Владимир		2	1	2	0	4	1	0	0
Ленский		5	4	4	9	15	4	1	0
Татьяна		3	25	12	36	6	41	17	2
Ольга		5	3	11	7	12	2	0	0
Ларины		1	3	0	1	0	2	1	0

Характерно, что герои Пушкина, в отличие от героев Грибоедова не имеют отчеств. Отчество Онегина и Ленского мы вообще не знаем, хотя в романе упоминаются и даже действуют их

“безымянные” отцы. Отчество сестер Лариных мы можем реконструировать только потому, что автор воспроизводит надпись на могиле их отца (VI, 47—48 — тоже, кстати, представленного “без отчества”, что противоречит жанру эпитафии). Но что интересно: называя ту же Татьяну “по отчеству”, мы тем самым, в отличие от русской традиции бытового именованья, вольно или невольно “снижаем” этот образ, представляем его иронически. Так поступали, к примеру, Д. Писарев, (в критике) или Д. Минаев (в пародической поэме “Евгений Онегин нашего времени”). Ср. у Писарева: “Это с вашей стороны очень похвально, Татьяна Дмитриевна, что вы помогаете бедным и усердно молитесь Богу...”¹². Тот же пассаж в поэме Минаева зарифмован:

Ты в тишине меня встречал,
Когда я бедным помогала?
(Татьяна Дмитриевна! Скандала
Такого я не ожидал!..)¹³

И между тем, никакой “ироничности” не возникает, когда герой “Торя от ума” называет свою возлюбленную Софьей Павловной (“Как Софья Павловна у вас похорошела!”, “уж Софье Павловне какой / Не приключилось ли печали?..” и т.п.).

Но и в отношении к второстепенным персонажам пушкинского романа именованье “по отчеству” допускается только один раз — в характеристике московского общества (“Всё белится Лукерья Львовна, / Всё то же лжет Любовь Петровна...” и т.п. — VI, 158). Здесь Пушкин идет явно “по следам” Грибоедова, — но в контексте его произведения неожиданно возникающее отчество несет сатирическую функцию. При этом, в других случаях подобных перечислений (гости на именинах Татьяны: VI, 108—109; завсегда у нее “светского раута”: VI, 176—177) он пользуется либо “говорящими” фамилиями (без имен-отчеств), либо просто краткими характеристиками не названного по имени лица.

Как бы то ни было, в галерее “лишних людей” русской литературы Онегин — единственный, не имеющий отчества.

По приведенной таблице видно, что героев-мужчин Пушкин предпочитает называть по фамилии, а не по имени. Фамилия “Онегин” упоминается 84 раза; имя Евгений — 46 раз; еще больший “разрыв” в этом отношении у Ленского (соответственно 42 и 10). Вместе с тем, героини именуются только по имени. Татьяна единственный раз названа по фамилии — в разговоре ее мужа с Онегиным:

“На ком?” — На Лариной. — “Татьяне! (VI, 173).

В других случаях фамилия применяется либо к ее отцу, либо ко всему “дому Лариных”.

В именовании второстепенных персонажей преобладает фамилия. В отдельных случаях они "награждаются" именами. Так, "уездный франтик Петушков" (VI, 109) после того, как ему отказывает Татьяна, становится "Иваном Петушковым". (IV, 150). Единственный персонаж назван только по отчеству: няня, "Филиппевна седая". (VI, 68). Упоминаемые реальные лица — Каверин, собутыльник Онегина (VI, 11), Вяземский, "подсевший" к Татьяне (VI, 160) — представлены "фамильно"; два женских имени — "зашифрованы": Нина Вронская ("Клеопатра Невы" — VI, 172) и "Лалла-Рук" (императрица — VI, 637). Некоторые собственные имена употреблены в нарицательном значении: "Дуня", завлекающая Ленского пением под гитару (VI, 36), "Прасковья", переименованная хозяйкой в "Полину" (VI, 46). "Нарицательность" последнего обозначения усилена тем, что саму хозяйку, мать Татьяны, ее московская кузина именует "Pachette", — то есть та же Прасковья. Но почему же себя Прасковья именует "Pachette", а Прасковью-служанку — "Полиной"?

Один из "действующих" персонажей назван именем известного литературного героя — "сей Грандисон" (VI, 45, 55); это "литературное" именование иронически внедряется в бытовые диалоги: "Кузина, помнишь Грандисона?... — "В Москве, живет у Симеона..." (VI, 156, 157). Имена других литературных персонажей даны либо в сравнительных конструкциях ("как Child-Harold" — VI, 21, 91; "как Чацкий" — VI, 171), либо прямо, без посторонних обиняков и объяснений. Так, среди гостей Лариных присутствуют литературные персонажи прошлого: Гвоздин (капитан Гвоздилов, внесценический персонаж из "Бригадира" Фонвизина), "Скотинины, чета седая", "мой брат двоюродный, Буянов" (VI, 109).

Но зачем Пушкину это противоестественное смешение данностей из разных рядов? Если действие происходит в условном литературном мире, где живут "Скотинины", "Буянов" и "Грандисон", то почему в пределах этого мира оказываются реальные Каверин и Вяземский?

Более того: основная любовная интрига романа противоречит "правилам" литературного именованности. Влюбленные друг в друга персонажи, в нарушение всех литературных традиций названы "неравноправно". Не "Письмо Татьяны к Евгению" и не "Письмо Лариной к Онегину", — а "Письмо Татьяны к Онегину", "Письмо Онегина к Татьяне"! Этот способ "разъединения" героев противоречит и давней сентиментальной традиции, и традиции позднейшей: в "Бедных людях" Достоевского Варенька называет своего корреспондента (который значительно старше ее) по имени-отчеству (Макар Алексеевич), а действующий за сценой "господин Быков" воспринимается как инородное тело именно потому, что представ-

лен по фамилии¹⁴. Между тем, в пушкинском романе герой даже и про себя называет героиню только по имени (“Ужель та самая Татьяна...” — VI, 174), а героиня его — только по фамилии (“Онегин, помните ль тот час...”, “Онегин, я тогда моложе...” — VI, 186). Самое странное, что и себя при этом героиня воспринимает не иначе, как “ваша Таня” (VI, 187).

Противоречиво выглядит и основной способ “имяпредставления” персонажей. Как правило, Пушкин сопровождает первое упоминание имени более или менее развернутой характеристикой (чаще всего грамматически оформленной как приложение), включающей указание на главные черты персонажа, по типу энциклопедической “расшифровки”: “Гвоздин, хозяин превосходный...” и т.д. (VI, 109); “...мосье Трике, / Остряк, недавно из Тамбова...” и т.д. (VI, 109); “Зарецкий, некогда буян...” и т.д.) (VI, 118). “Приложение” подобного типа — характерный признак жанра эпитафии:

*Смирный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир. . (VI, 47 — 48)*

Подобный способ оказывается для Пушкина очень устойчив: он переносит его даже в литературные характеристики: “Байрон, гордости поэт...” (VI, 29); “...Мартин Задека, / Глава халдейских мудрецов...” и т.д. (VI, 118). Развернутым становится подобное “имяпредставление” Ленского (VI, 33—36) и Ольги (VI, 40—41).

И вместе с тем, ни Татьяна, ни Онегин в этом смысле никак не представлены. Упоминание Татьяны сопровождается рассуждением о ее “приятном, звучном” имени (VI, 42) — и только. В отношении же к герою Пушкин ограничивается приложением, ни к чему не обязывающим: “Онегин, добрый мой приятель...” (VI, 6); в других же случаях подобные “приложения” носят явно иронический оттенок: “...Евгений. / Отступник бурных наслаждений...” (VI, 22) и т.д. Это отсутствие прямого “имяпредставления” становится нарочитым, хотя и косвенным, показателем “самоценности” “случайного” по видимости имени.

Многомыслен в этом отношении и эпизод “имяподмены”, развернутый Пушкиным в главе пятой, в сцене гадания Татьяны:

*Чу... снег хрустит...прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? Смотрит он .
И отвечает: Агафон (VI, 101)*

Этот эпизод, органически вошедший в условно “святочную” атмосферу главы, Пушкин сопроводил лаконичным примечанием: “Таким образом узнают имя будущего жениха” (VI, 193). В соот-

ветствии с этим предлагаемая "имяподмена" (Евгений — Агафон), кажется, не содержит в себе ничего, кроме авторской иронии.

Г.Красухин в недавней статье, комментирующей этот эпизод¹⁵, предположил дополнительную пушкинскую "игру", основанную на исконном греческом значении имени Агафон (добрый): таким образом, по мнению исследователя, Пушкин предлагает узнать не столько "имя будущего жениха" Татьяны, сколько его характер. Но почему тогда греческие имена основных героев романа — Евгений (благородный) и Татьяна (устроительница) — никак не обыграны? Более тонко и детально рассмотрена эта "имяподмена" в содержательной статье Я.И.Гина¹⁶. Но здесь исследователь представил другую крайность. Приведя многочисленные литературные, фольклорные, античные и бытовые ассоциации, связанные с именем Агафон (Агатон), он ушел от вопроса о "ближайшей" функциональности его введения. Пушкин, по его мнению, ведет "игру стилями", включая в это имя ряд противоположных смыслов: здесь и намек на древнегреческого драматурга, и отсылка к роману Виланда "История Агатона", и воспоминание о литераторе А.А.Петрове, персонаже нашумевшего очерка Карамзина "Цветок на гроб моего Агатона", и указание на фольклорного "простака"... Неужели в "Евгении Онегине" важны все смыслы разом?

Поэтому представляется, что ситуацию "имяподмены" надобно рассматривать в общелитературном контексте. Она опять-таки не является "изобретением" Пушкина и пришла в его роман из той же "легкой" комедии. В третьем действии комедии А.Шаховского "Своя семья или Замужняя невеста" (1818) эта ситуация воспроизведена следующим образом:

Наташа

Да, мы в Васильев вечер

К воротам бегали. Хоть будь мороз и ветер,

И вьюга страшная, а я безо всего,

Как в комнате хожу, и норовлю того,

Чтоб выбежать спросить.

Звонкина

Кого же называли?

Наташа

Прохожие всегда на смех мне отвечали.

Звонкина

Но вышло ль что-нибудь, мой свет, на твой вопрос?

Наташа

Не помню, — кажется, Исай или Аммос.

Звонкина

А неужли никто не называл Любима?

Наташа

Любима?.. нет.

Звонкина

А что, попал бы он не мимо? ¹⁷

Этот фрагмент популярной комедии, несомненно, является источником анализируемого эпизода “Евгения Онегина”: сохранена даже такая деталь, что Татьяна выходит в рождественские морозы “на широкий двор / В открытом платице...” (VI, 101). Ср. Наташа: “безо всего, / Как в комнате сижуч...” Да и сам способ подобного гадания бессмыслен в деревенской глуши: какого, собственно, неизвестного “прохожего” можно надеяться встретить здесь среди ночи?.. Перед нами не бытовая “святочная” картинка, а эпизод, имеющий, собственно, литературную, ироническую установку.

Пушкин, несомненно, знал комедию Шаховского “Своя семья...”. В “Евгении Онегине” использован ее основной мотив. Заключительная реплика комедии: “И, жизнь моя / Есть хлопотать о чем; мы все своя семья”¹⁸, определяет ее смысл. “Своя семья” в данном случае — это пестрое сборище разных по интересам, занятиям, уровню образованности людей, “случайно” соединенных родственными узами (и “замужней невесте” Наташе приходится изощренно приспособливаться к каждому члену “своей семьи”). В этом же значении в пушкинском романе употреблена реплика Ленского, которая, в сущности, “спровоцировала” дуэль: “— И, никого, уверен я! / Кто будет там? своя семья” (VI, 94). А эта реплика, в свою очередь, — почти цитата приведенного финального “пуанта” Шаховского: сохранено даже начальное просторечное “И...”.

В комедии Шаховского эпизод “имяподмены” ключевой. “Любим” — это муж Наташи, а “Исай” и “Аммос” — намеренно простонародные, экзотически звучащие имена. Подставляя их, “замужняя невеста” хочет уверить собеседницу в том, что к Любиму она не имеет никакого отношения, — но Звонкина, тем не менее, все выясняет: “Но все-таки Любим приятнее Исяя, / Признайся, жизнь моя!”¹⁹. Первоначально Пушкин шел по тому же пути, подставляя намеренно простонародные имена: “Мирон”, “Харитон”, “Парамон” (VI, 385, 603).

Комедийная ситуация у Шаховского осложнялась еще и тем, что в реальной действительности Наташа никак не могла бы услышать “у ворот” имя Любима: это литературное имя, отсутствующее в святцах и не предназначенное для “простолюдинов”. Но и Татьяна у Пушкина тоже не могла услышать от “прохожего” имя Евгения — это имя (точный перевод с греческого: “сын благородных родителей”) не было в ряду тех “сладкозвучных греческих имен”, которые “употребляются у нас только между простолюдинами” (VI, 192). Зато имя “Агафон” в данном случае прямо подходило — и по литературным и по бытовым обстоятельствам.

В данном случае Пушкин исходил из “ближайшей” литературной ассоциации. В “Моиx Пенатах” Батюшкова, в характеристике Карамзина, упоминается “ужин Агатона”. Это — намек на зна-

менитый карамзинский очерк "Цветок на гроб моего Агатона" (1793), посвященный смерти его близкого друга Александра Петрова (в записной книжке Батюшкова он упоминается как "Агатон Карамзина" ²⁰). Этот очерк, его стилистике и, в частности, это наименование, подали повод А.С.Шишкову к критике "карамзинизма" в "Рассуждении о старом и новом слоге..." ²¹. В связи с этой критикой (и продолжавшейся полемикой) "Агатон Карамзина" получил большую известность, — и не случайно в том же эпизоде Пушкин "сталкивает" высокие поэтизмы "карамзинского" стиля (дева, летит, нежней, свирельный, и намеренно простонародную форму "сладкозвучнейшего" имени ²². Пушкин выводит "обманную" ситуацию "Агафон вместо Евгения"), намекая на "обманную" ситуацию, обыгранную Шишковым. Но этот "обман", как и в комедии Шаховского, никого не "обманывает": если бы "прохожий" назвал Татьяне имя Евгения, то — "попал бы мимо"; любое другое имя здесь просто неуместно... Примеры подобных "многомысленностей" и "многоплановостей" онегинского именника можно продолжать и продолжать, — но важнее найти их причину, общую основу.

О. Павел Флоренский, разрабатывая философию "имяславия", писал:

"Что — имя?... только звук". —

Так не думали древние: имя для них было познанной и познаваемой сутью вещи, идеей. Назначение его — *выделять* объект из общего хаоса впечатлений и *соединять* с другими, но уже координировано. Функция имени есть связность. Имя размыкает беспорядок сознания и смыкает его. Оно реально, и идеально ²³. Здесь Флоренский как бы развивает мысль Пушкина, брошенную им в одном из писем 1827 года. "Оправдывая" имя Погодина на обложке журнала "Московский вестник", Пушкин заметил: "...Погодин ни что иное, как *имя, звук пустой* — дух же я, т.е. мы все православные" (XIII, 320). Исходя из "древнего" представления о "реальной идеальности" имени, Пушкин точно осознает его единственное назначение: "выделять объект из общего хаоса впечатлений". Поэтому в пушкинском романе такие "действующие" персонажи, как отец Онегина или муж Татьяны не названы по имени: их нет смысла "выделять", они не более как функциональные единицы привычного "хаоса". Эта же установка на мнимое "выделение" содержится и в большинстве "названных" имен, будь это значащие фамилии, полностью заменяющие характеристику персонажей (Пустяков, Проласов), или литературные имена из произведений предшественников (Скотинины, Бянов), или именованья, созданные по известному типу (представители московского общества). В кругу этого же "хаоса" существуют и имена реальных лиц: то, что в приятелях

Онегина оказывается всем известный Каверин, а сам он “второй Чадаев”, — это, собственно, косвенные характеристики личности главного героя. Из “пестрого фараона” имен выделены, по существу, лишь имя Татьяны и фамилия Онегина; первое — намеренно и целенаправленно (не случайно Пушкин дает большое отступление как раз об имени), вторая — по принципу противопоставления, вроде бы “случайно”. Но и “случайность” эта кажущаяся: “литературная” фамилия Онегина функциональна именно как “идеальная пародия” на многочисленные литературные “маски” его двойников. “Чем ныне явится? Мельмотом, / Космополитом, патриотом, / Гарольдом, квакером, ханжой...” (VI, 168), — все перечисленные “маски” могут применены к этой фамилии! “Благородное” имя и “условная” фамилия, присутствующие в названии (и противопоставленные “простонародной” действительности имени Татьяны) создают эффект отторжения героя от изображенного “хаоса впечатлений”. А все содержание романа в стихах демонстрирует несостоятельность этого эффекта.

¹ Цит. по: Опыты. Лит.-филос. сборник. М., 1990. С. 415 — 416.

² Там же. С. 390.

³ Флоренский П.А. У водораздела мысли // Флоренский П.А. Соч. М., 1990.

Т. 4. С. 314.

⁴ См.: Фомичев С.А. Комедия Грибоедова “Горе от ума”. Комментарий. М., 1983. С. 32 — 37. Собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 265.

⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 265

⁶ Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А.М. Избр. труды. М., 1968. С. 97 — 128.

⁷ Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993. С. 85.

⁸ Гроссман Л. Записки Д’Аршиака. Пушкин в театральных креслах. М., 1990. С. 408 — 409.

⁹ Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 522.

¹⁰ См.: Кошелев В.А. “Ее сестра звалась Татьяна...” (Об имени пушкинской героини) // Болдинские чтения. Горький, 1988. С. 154 — 162.

¹¹ См.: Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. М.-Л., 1935. Т. 5. С. 66 — 70.

¹² Писарев Д.И. Соч. М., 1956. Т. 3. С. 341.

¹³ Поэты “Искры”. Л., 1958. Т. 2. С. 387.

¹⁴ См.: Шкловский В. Повести о прозе. Размышления и разборы // Шкловский. В. Избранное. М., 1983. Т. 2. С. 406.

¹⁵ Красухин Г. “Как ваше имя?” // Литература. 1993. № 5-6. С. 7.

¹⁶ Гин Я.И. Из комментариев к “Евгению Онегину”. Агафон // Временник Пушкинской комиссии. Спб., 1993. Вып. 25. С. 135 — 143.

¹⁷ Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. С. 340.

¹⁸ Там же. С. 350

¹⁹ Там же. С. 341.

²⁰ Батюшков К.Н. Соч. М., 1989. Т. 2. С. 53.

²¹ См.: Грот Я.К. Филологические разыскания. №-е изд. Спб., 1879. С. 94.

²² Гин Я.И. Цит. соч. С. 135 — 136.

²³ Флоренский П.А. Цит. соч. С. 314.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича.	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин).	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114